

Владимир Липатов

ДИТЕР

Таллинн
2021

Владимир Липатов. Дитер / Таллинн, 2021, 146 с.

Редактура, корректура, верстка, обложка: Эмма Дарвис

ISBN 978-9916-4-0562-8

Типография: Alfapress

В этой повести незримо переплелись война, отцы и дети, психология наций, разное восприятие мира и, как следствие, непростые личные взаимоотношения.

© Владимир Липатов, 2021
www.vladimirlipatov.com

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	54
Глава 6	68
Глава 7	86
Глава 8	99
Глава 9	121
Глава 10	128
Глава 11	136
Послесловие	144

Предисловие

Записная книжка пестрит номерами телефонов, электронными адресами, именами тех, с кем пришлось работать в море. Эти люди не являлись друзьями по определению, просто на данном отрезке жизни с ними было комфортно. Расставаясь, мы обещали держать связь, но ни с одним из них я больше никогда не общался. Так устроен наш мир – новый контракт, другое судно, другие люди. В калейдоскопе лет мелькали пароходы, города, страны, я приобретал и терял друзей, оставляя в памяти только наиболее яркие лица и события. Чуждых мне людей всегда держал на дистанции, контактируя лишь по долгу службы, и моя формула сосуществования в ограниченном пространстве до сей поры была безупречна.

Кризис 2006 года крепко ударил по мировому судоходству: европейские порты и рейды были забиты пароходами, которым вдруг стало нечего перевозить. Стоял танкерный и сухогрузный флот, люди теряли работу. В поисках вакансий, без надежд я завис дома на полгода и вдруг получил предложение – срочно требовался старпом на немецкий пароход. Оставив на время свои капитанские амбиции, я согласился.

Капитаном оказался старый немец – сын солдата, павшего в русской земле в той далекой войне. И я – сын солдата-победителя. Мой батя, двадцатидвухлетний младший лейтенант – авиатехник, был одним из последних защитников Севастополя и раненным в августе сорок второго попал

в плен. Бабушка с дедом получили похоронку, а для него началась мучительная череда лагерей.

В семье никогда не касались этой темы, но у каждого солдата – свои шрамы и память войны. Мы, дети, видели: по прошествии многих мирных лет отец всегда спал на согнутой в локте руке, подперев щеку ладонью. Мама осторожно опускала его голову на подушку, но он, не просыпаясь, стонал, бредил и неизменно возвращался в прежнее положение. На отцовской груди в фас была мастерски выжжена изящная головка женщины, с оттенками, полутенями, четко очерченными локонами – работа художника-садиста, товар. Невозможно представить, но практичные нелюди пустили в дело даже человеческую кожу – на дамские сумочки, абажуры... Содрать не успели, что-то в войне пошло не так, ведь недаром она была для нас Отечественной.

Отца освободили в марте сорок пятого из третьего по счету концентрационного лагеря Шталаг-2Б Хаммерштайн, Восточная Померания. Сейчас многим хотелось бы об этом забыть, но остались мы – первое послевоенное поколение, которые помнят войну на генном уровне.

В этой повести незримо переплелись война, отцы и дети, психология наций, разное восприятие мира и, как следствие, непростые личные взаимоотношения. Капитан родился за пять лет до краха Германии, а я – через столько же лет после великой Победы. Связанные на пароходе «одной цепью», мы с Дитером ни разу не коснулись темы войны, но она всегда присутствовала в нас.

Глава 1

В Хамберсайде самолет приземлился под утро. Разминая затекшие ноги и стряхивая тяжелый сон, я вышел в зал и в толпе встречающих выделил мужика с плакатом в руке «mvRiver T./Seastaff» – это за мной. Подошел, поздоровался. Таксист для верности спросил, кто, откуда и куда, и полтора часа до Иммингема мы почти молчали. Мимо проносились темные поля, фермы, поселки, дома, а я, завороченно глядя на светящиеся биссектрисы дорожной разметки, мысленно метался между прошлым и будущим. Сквозь плотно закрытые двери проникал тошнотворный запах горелого мяса.

– Драйвер, чем это так мерзко пахнет?

Он скосил на меня глаза.

– Не слышали? По всей Англии сжигают скот. Эпидемия. Чума XXI века.

– Слышал. Вы подвезете меня прямо к пароходу? Вообще-то в аэропорту меня должен был встретить судовой агент.

– Агент предпочитает спать по ночам, а я, согласно заказу, привезу вас прямо к борту и заберу вашу смену.

– О'кей.

Такси вкатилось в порт, и взгляду предстал стоящий у причала стометровый пароход-ящик с одним трюмом на пять-шесть тысяч тонн, с зализанными к носу бортами и высокой кормовой надстройкой. Чистая палуба без мачт и грузового устройства, только гантри-кран для перемещения трюмных крышек раскорячился посередине. Рядом

на причале, положив на асфальт лапы манипуляторов, замерли два погрузчика. Почему-то не грузятся...

Остановились у трапа, я зацепил из багажника сумку, расписался в квитанции и попрощался с водителем. В пустом коридоре двинулся на звон посуды к ближайшей двери. На пороге появился подтянутый, весь в белом, с аппликацией польского флага на кармашке круглолицый повар и, завидев меня, приветливо улыбнулся. Я тоже.

– Доброе утро. Я – ваш новый чиф-офицер, приехал на замену. Где могу увидеть своего коллегу?

– Рашен?! – В английском языке славянский акцент, как визитная карточка.

– Да, русский. Владимир.

– Казимеж. Поляк. – Он обрадовался, распахнул дверь в кают-компанию и сказал уже по-русски: – Садитесь кушать, сейчас я его позову.

Есть не хотелось, я присел на продавленный диван, плел кофе на дно чашки и огляделся. Эти еврокостеры почти одинаковы, хоть и построены в разных странах: тесные каюты «на один стул», дешевое убожество интерьера, минимум бытовых удобств – все рассчитано на второй сорт трудовых ресурсов.

В открытую дверь заглянул высокий моряк лет пятидесяти и, увидев меня, приветственно поднял руку:

– Привет, меня зовут Кшиштоф. Ты – моя замена. Пойдем в каюту, я тебе все покажу, расскажу. – Его русский был вообще хорош.

– Разберемся. Когда отход и почему не грузимся?

– Вечером выйдете. Вчера дырку пробили в топливном танке, – посетовал он. – Топливо откачали, сейчас там сварочные работы. Эти англичане не опускают металлолом в трюм плавно, а кидают с высоты – вот и результат. Надо постоянно следить. Время теряем, капитан в бешенстве – все на меня валит.

– Кто капитан? Русские есть в команде? – Это обычные вопросы по прибытии на новое судно.

– Русских нет. Капитан – немец, и шесть поляков. Теперь пять плюс ты.

– А ты сколько месяцев отработал?

– Пять дней, в Роттердаме сел, и уже домой.

– Так быстро денег заработал?! – удивился я.

– Ногу в трюме повредил... – Прозвучало как-то неуверенно. – Оставь сумку в каюте, сейчас на мостике я покажу тебе в компьютере всю документацию и расчеты остойчивости. Кстати, прокладка до Севильи сделана, координаты внесены в GPS – все на электронной карте, так что можешь быть спокоен.

– Уже полдела, спасибо.

Несмотря на травму ноги, Кшиштоф шустро взбежал по трапу двумя палубами выше и, пропуская меня вперед, распахнул двери мостика. Я шагнул и застыл на пороге: у окна в пол-оборота к нам стоял высокий, под два метра, худой старик в красной куртке. Он обернулся на звук, взглянул коротко, как обжог. Тяжелый, холодный, как осеннее небо, взгляд осязаемо уперся в грудь. О таких на Руси говорили: серые, с глазами цвета мрака. Сменщик за спиной тихо прошелестел в затылок:

– Мастер...

Я понял.

– Доброе утро, каптен, я – ваш новый чиф-мэйт.

В повисшей паузе капитан долго рассматривал меня и, наконец, произнес удивительные слова:

– Знаешь, чиф, я не люблю... – И он перечислил народы, которые не любит, так как «от них все беды». Звезды сошлись – перед ним стояли представители двух из трех перечисленных наций. И тут я понял, почему у Кшиштофа после пяти дней работы «повредилась» нога.

– Каптен, я приехал сюда не объясняться в любви, а работать.

– Ну так иди и работай! – Он кивнул на поляка. – Этот уже отработал, на первой же погрузке топливный танк пробил.

– Ну не ломом же...

Я попробовал перевести разговор в дружеское русло, но тут же об этом пожалел, и мы с Кшиштофом, не сговариваясь, поспешно ретировались.

В каюте, растерянно глядя на застеленную чистым бельем постель, я спросил поляка:

– Как с ним работать? У него с головой все в порядке?

Кшиштоф остановился в дверях, поправил на плече ремень тяжелой сумки и протянул руку.

– Шалоний... Сын солдата, загинувшего в России. А здесь с командой у них общие дела – сигаретный бизнес. Так что ни с кем, кроме кока, не связывайся, терпи.

– Как его хоть зовут?

– Дитер.

И мы расстались.

Вот это да! Я присел на диванчик и задумался.

Судно содрогнулось, послышался грохот падающего в трюм железа. С чувством, что это ненадолго, я нехотя влез в робу, напялил на голову каску и вышел к трапу. Крановщики все так же с высоты лихо метали железо в трюм, и половина его шрапнелью разлеталась по палубе. Под градом болтов и велосипедных рам я выбрался на причал и прыжками доскакал до ближнего погрузчика.

– Глуши технику, сир! Такая работа не пойдет.

Во мне росло раздражение.

– Вай?! – удивился «сир».

– Или работаете нормально, или стоите. Ясно?!

Этой категории человеческого общества у меня веры нет.

Теперь клешни манипуляторов аккуратно, с легким шелестом распахивались глубоко в трюмном зеве.

Обозначив докерам свое присутствие, я двинулся вдоль высокого трюмного комингса, оглядывая свое новое хозяйство. Фирменный знак на лобовой части надстройки указывал дату и место постройки судна: «2004 год. Нидерланды». Молодцы немцы, в три года уделали пароход – гидравлика течет, крышки трюмов деформированы, кругом ржавчина...

Нет, ребята, все не так,

Все не так, ребята!

Я принялся собирать в кучу разбросанные по палубе куски железа и вдруг боковым зрением заметил Дитера – он пристально наблюдал за мной сквозь большое, во весь рост, окно мостика. Отныне этот настороженный взгляд будет преследовать меня повсюду. Из-за штабеля трюмных крышек, рассывая по карманам блоки сигарет, вынырнул докер-англичанин, а вслед за ним, разговаривая по-польски, – четверо матросов в оранжевых робах.

– Привет, ребята, я – ваш новый чиф. Давайте-ка за дело – вся палуба засыпана металлом.

– Откуда прибыл? – Они будто не расслышали моего приглашения поработать.

– Издалека... – Не хотелось говорить о географии. – Времени нет, вперед! Приду, проверю.

Нехотя, как бы по собственному желанию, они приступили к работе. Знакомство, не сулившее мира в будущем, состоялось.

С окончанием польско-советской «дружбы» вдруг обнаружилось, что поляки – удивительно оборотистый и всепроникающий народ. Сейчас они рассыпались по всему миру, их нет только там, где совсем уж нечем поживиться. В судходных компаниях Европы эти парни составляют изрядную часть экипажей и буквально помешаны на сигаретно-водочном бизнесе. Это приносит им неплохую прибыль, если не попадутся, а капитанам – головную боль.

Пристроив бездельников, я помчался по давно знакомому кругу. Старпома во время грузовых операций можно найти только в четырех местах: в трюме, на палубе, на причале или у компьютера за текущими расчетами. Он, если старателен, крутится сутками, и чем ближе окончание погрузки или выгрузки, тем стремительнее его вращение.

День пролетел минутой. В синих сумерках закончив палубные дела, я остановился – неужели все? Погрузка закон-

чена, россыпи металла на палубе убраны, осталось только закрыть трюм по-походному. Не очень уставшие матросы, облокотившись на планширь, смотрели на причал. Захотелось их приободрить.

– Ну что, ребята, отдохнули? А сейчас обметите комингсы и можно раскладывать трюмные крышки.

И тут произошла первая стычка.

– У нас трюм закрывает старпом...

Желание толпы подмять под себя нового человека мне знакомо, но неприемлемо.

– У кого это «у вас»? Ты! – Мой палец уперся в грудь мордастого оппонента. – Лезешь на гантри-кран и таскаешь крышки, остальные ассистируют. Ясно?!

Не ожидая ответа, я отправился на мостик и там, облекая расчеты в документы, еще целый час гонял в кресле на роликах от компьютера к принтеру и обратно. Наконец встал, разминаясь, повертел головой и понял: хочу есть и спать. Еще вчера была домашняя жизнь с горьким привкусом скорого прощания, два перелета, длинная дорога в такси, знакомство с судном, погрузка, люди... Сколько же событий впессовано в последние два десятка часов!

Впервые после утренней встречи наши пути с Дитером пересеклись в кают-компании. Он жестом указал мне место напротив себя.

– Ё плейс... Документы на отход готовы?

– Готовы, у вас в офисе на столе.

Я сел и, не поднимая глаз, принялся черпать из тарелки. Капитан, туловищем нависая над длинным столом, грыз куриную кость и кашлял мне в затылок. Специально, что ли?.. Я демонстративно протер салфеткой макушку и хотел было встать, но его вопрос пригвоздил меня к стулу.

– Откуда прибыл, чиф?

Он заглотив кость целиком, утробно рыгнул и отвалился от стола.

– Русский, из Эстонии.

Дитер скривился и небрежно махнул костлявой рукой.

– Эстлянд... – В его системе координат такой страны просто не существовало. И вдруг возбудился, пустые глаза ожили. – Русланд! Вот богатая страна!

Это вечная тема их обширного диагноза.

– Чем же она богата? – Утренняя встреча заставляла держать ухо востро.

– О-о-о, очень богата! – Дитер принялся излагать свои доводы. – Как-то в Архангельске поляки свозили меня в город. Погуляли – везде грязь, унылые морды. Выпили, я тогда еще употреблял, заглянули в казино, а там!.. Ах, какие пачки долларов крутились в чужих руках! – Он сделал круглые глаза и пальцами показал толщину пачек. – Америка отдыхает.

– Выиграли?

– Не-ет. Я свои пятнадцать евро проиграл – и все, меру знаю. Просто смотрел – люблю, знаешь ли, смотреть на огонь и большие деньги.

А еще они любили смотреть на огни пожарищ. Странно, что он первым завел беседу, мне казалось, что все слова нами были сказаны еще утром.

– Богатство страны, каптен, не определяется обилием денег в местных казино. По улицам надо было пройтись, с ночным народом пообщаться. Не гуляли для полноты впечатлений?

Дитер ослабилась, обнажив ровный ряд неестественно белых зубов.

– Поляки сказали, легко можно по морде получить. Мы на такси туда и обратно.

– Поляки знают. А где грузились в Архангельске?

– Са-лём-б...

Название оказалось для него слишком мудреным, я помог.

– Солóмбала. Это как раз то самое место, где можно прильнуть лицом к русским истокам, так сказать.

Мой сарказм старик, наверное, не уловил или не понял. Он вел разговор равнодушным голосом, без интонаций, вроде ни к кому не обращаясь, но, несомненно, я был второй стороной этой странной беседы. Рядом с лицом иезуита недвижно сидел поляк-механик, видимо, разговоры на «польскую» тему здесь давно пройдены, а я на новенького.

– Да-а, русские очень богаты... – Прикусив зубочистку, Дитер соображал, что бы еще задвинуть. – У меня здесь был русский чиф. Так вот, он показывал мне фото своей жены. Норковая шуба не меньше пяти тысяч долларов, сапоги столько же, песцовая шапка... Как так можно? Получает в пять раз меньше меня, а на жену тратит в двадцать раз больше! Я его через неделю выгнал.

– За женину шубу?

– Другое... – Он не стал раскрывать секрет гона старпомов, оставляя его для меня на ближайшее будущее. – Я один раз в жизни тридцать лет назад купил жене пальто за сто марок. Один раз, чиф! А вы... – Дитер всплеснул руками и скрипуче, как механический болванчик, засмеялся: – Пять тысяч! И так, наверное, каждую зиму!

– Ваша жена и сейчас в этом пальто ходит?

– Что ж не ходить... Немецкое качество.

Через некоторое время мне посчастливилось увидеть его жену в знаменитом вечном пальто. А этот русский старпом – мудака, нашел кому показывать фото близких.

– Каптен, если мне хочется сделать жене приятное, я залезу в долги, но обязательно сделаю. Это нормально.

– Нормально?!

Глаза Дитера полезли на лоб, он бросил в блюдце зубочистку и хотел было продолжить, но пора и честь знать! Я заспешил.

– Разрешите? Мне нужно отдохнуть.

Он неожиданно легко согласился.

– Иди. В двадцать два отходим, тебе с ноля на вахту.

На этом пароходе я – синглмэйт, единственный помощник капитана, и с ним мы делим ходовые вахты по принципу «шесть часов через шесть». Обязанностей у меня море, но быть на мостике в одиночестве двенадцать часов в сутки – это то, что мне нужно.

Глава 2

С приходом лоцмана я был уже на руле. Отдали швартовые, слева медленно удалялась подсвеченная желтым неонам кромка причала, а справа судно вжималось в сумрак ночи. И все земное прочь – впереди уже выстлалась дорожка фарватера, очерченная разноцветными огоньками буев. Проблесковые, затмевающиеся, часто проблесковые – они двумя линиями уходили в темноту, создавая ощущение беспорядочной какофонии света, и терялись в темноте на самой границе зрения. Ни встречных, ни поперечных, пусто вокруг, только рядом, распушив пенные усы, прыгает на невидимой волне лоцманский катер да на баке в неярком палубном освещении суетятся матросы. В моей ладони тихо щелкает джойстик руля: градус лево – градус право – поворот, градус лево – градус право... На мостике какая-то гнетущая атмосфера: чай лоцману не подают, с ним не общаются, и он, по прибытии разговорчивый, мается в этом молчании, изредка отдавая команды на руль. Наконец не выдерживает:

– Каптен, вы на прямом курсе до самого приемного буя, и мне практически нечего делать. Дальше на выходе пойдет большая волна и могут возникнуть проблемы с моей пересадкой. Я перескочу здесь на катер, вы не против?

– Конечно... давно пора... – угрюмо цедит Дитер, и это первые слова, обращенные к лоцману после отхода от причала.

«Нехорошая квартирка!» Спасаясь бегством, англичанин метнулся в открытые двери и загремел каблуками

по трапу. Уже на палубе лоцманского катера, нервно жестикулируя, он поглядывал на наш мостик и что-то живописал английскому матросу. Катер отвалил от борта стремительно.

Я переключил управление с ручного на автопилот. Вошел боцман, невысокий поляк с рыхлым бабьим лицом и румянцем во всю щеку.

– Каптен, все закреплено по-походному, двери под полубаком и в надстройку задраены. Можно идти отдыхать?

– Иди...

– Может, и я пойду? – Я вопросительно взглянул на тень Дитера.

– Иди... – Он сегодня всех отпускает. – Через полчаса на вахту.

От его разговорчивости за ужином не осталось и следа.

В каюте я прилег на диванчик и вперил взгляд в непроницаемую темноту. Море наваливало уже по полной, и в такт качке, совершая то плавные, то стремительные движения, неподвластное мне тело содрогалось, перекатывалось с боку на бок, елозило по одеялу. Куда лечу я?..

Слух резанула трель телефонного звонка, я поднял трубку и опустил на рычажок – на вахту.

Где-то справа, давая направление в темноте рубки, громко щелкнула капитанская челюсть. Я осторожно продвинулся и, привыкая к темноте, встал за спинкой кресла, над которой возвышались голова и плечи Дитера.

– Хай, каптен! Плохая погода?

– Давно не виделись...

Мы уже миновали Спернхед, повернули, и юго-восточный ветер свободно гнал навстречу тяжелую волну. Видимость – ноль, разгоняя потоки воды, по стеклам окон стремительно летали дворники.

Собираясь уходить, Дитер встал.

– Каптен, где включается палубное освещение? Хочу посмотреть, что творится на палубе.

– Да что смотреть?

Он щелкнул выключателем, и я прильнул к стеклу. В рассеянном свете палубных люстр судно нырнуло в волну и вздрогнуло от удара. Черная стена воды в фосфорно-белом обрамлении вздыбилась, зависла над полубаком и опала, рекой разливаясь по палубе. Там, в носовой части, отчаянно билась распахнутая бронированная дверь, а вода вокруг нее кружила бурунами и лилась внутрь помещения подшиперской.

– Под полубаком дверь не закрыта – там все затопит!

– Шайзе!..

Дитер с трудом подобрался к окну.

– Каптен, я сбегая на бак, но надо развернуться по волне и сбросить ход.

– Подожди... сейчас.

При развороте судно на секунды стало бортом к волне и завалилось так, что я, падая навзничь, едва успел вцепиться в основание капитанского кресла. Оскалившись, как щелкунчик, мимо моего лица низко пролетел Дитер и загрохотал костями под бортовой дверью. Развернулись, и стало тихо-тихо – волна уже хлестала в корму.

– Каптен, вы в порядке? Я побежал...

– Беги... – Он с трудом поднялся на ноги. – Спасательный жилет надень!

Я уже не слышал.

Сто метров спринта. Попутная волна на излете стегала под зад, а я асимметричным зигзагом убегал от нее по скользким трюмным крышкам. Уже на месте в круговерти воды мне удалось добраться до злополучной двери и наглухо задраить ее на четыре броняшки. Внутри осталось с десятков тонн, но это было уже не страшно.

Вся операция заняла не более получаса. Вдрагивая от озноба и оставляя за собой мокрый шлейф, я пронесся пустынным коридором в свою каюту, наскоро переоделся в сухое и взбежал по трапу. Дитер уже выключил палубное освещение, плавание стало почти комфортным, так как судно продолжило движение по волне.

– Все в порядке, каптен, идите отдыхать. Сейчас вернемся на прежний курс носом на волну. Утром вам позвонить перед вахтой?

И вдруг случилось неожиданное: Дитер вскочил с кресла и заорал так, что я вздрогнул и вжал голову в плечи: эта скотина виновным в происшествии выставила меня! Чудовищно! Я всего лишь исправил его ошибку, в похвалах не нуждался, но и такой реакции никак не заслужил. Моя рука потянулась к настольному светильнику и нажала кнопку выключателя – на мостике стало совсем темно.

– Что случилось, каптен? Заболели?

Меня бил нервный озноб.

В малых экипажах каждый отвечает за свое заведование, и за свои слова в том числе. В этой ситуации вина двух людей была неоспорима: боцмана, который не задраил двери, но доложил, что все в порядке, и капитана, коему по выходу в море следовало включить освещение и осмотреться, а потом вызвать боцмана и наткнуть его мордой в купель. Дитеру ли не знать?.. У меня при таком раскладе этот боцман уже паковал бы чемодан.

Собачий лай перешел в куриное квохтанье, и наконец наступила тишина. Качало. Дитер с опаской, на рысях, проскочил за моей спиной и остановился в дверях наготове.

– Чиф, курс не меняй, малым ходом спускайся по волне на норд. Я утром приду и решу, что делать дальше.

Приступ идиотизма продолжался уже в другой форме.

– Хорошо, но я за шесть часов уйду к Оркнейским островам, а нам надо в Ла-Манш.

– Я сказал – иди на север. – Дверь за ним закрылась, затем вновь приоткрылась: – Чиф! У меня под подушкой всегда лежит акулий нож... – И резко захлопнулась.

Так и сказал: «Шарк найв». Боится, что удавлю в постели? Но мы же – цивилизованные люди! Я налил кофе и завалился в кресло. Ладно, плывем на север.

Судовладельцы в далеких германских офисах всегда отслеживают движение своих судов по АИС и, если ты идешь

не туда, тотчас выходят на связь. Вот сейчас запросят капитана, и я сразу на подставе. Скажет, это инициатива старпома, и как оправдаться? Сейчас он по спокойной воде выпится, а утром, когда выпадет мой черед отдыхать, развернется носом на волну и пойдет долбить на Ла-Манш.

Немцы ходят в море штучно, вернее, дохаживают. В основном это старые капитаны без надежд на физическое и часто нравственное выздоровление. Месяцами вращаясь в среде чуждых им людей, они «болеют» по-разному, и им все сходит с рук. Что не позволено русскому, польскому, литовскому капитанам, то позволено немецкому. А это чудо с «акульим ножом» вообще прекрасно!

Вахта долгая. Вспомнился единственный в моей судьбе молодой немецкий капитан. Рыжебородый Ханс с кольцом в носу и заклепанными ушами поначалу вызывал двойственное чувство, но со временем все вошло в норму. С его стороны осталась маленькая проблема – он никогда не приходил на вахту вовремя, и это напрягало – сутками торчать на мостике хорошо, но не по силам. В первое утро, не дозвонившись, я спустился вниз и робко постучал в дверь капитанской каюты – тишина. Подошел повар Адам, резкий такой.

– Не так надо, чиф. – Он сунул мне в руки швабру. – Беги на мостик и снаружи молоти щеткой по стеклам капитанской спальни, а я буду здесь. – И сразу, без перехода, с ужасными криками забарабанил ногой в Хансову дверь: – Вставай, курва мать!..

Я помчался на мостик. Обычно такая осада длилась час-полтора, потом звонил повар:

– Стоп, чиф! Он вышел. Без пращи не бенде колаци. Приходи завтракать!

Ханс вползал на мостик с милым, как у ребенка, опухшим от сна и пива лицом.

– Хай, чиф! Как ты?

Без тени смущения он беспокоился о моем здоровье, а мне до следующей вахты оставалось всего четыре часа.

– Хай, мастер! А тебе как спалось?

– Вери вел...

И так дважды в сутки. Я уходил отдыхать, а жизнь на судне катилась своим чередом. Капитан тут же, оставив мостик, спускался в кают-компанию и за чашкой кофе зависал в телевизоре, а пароход шел без надзора десять, двадцать, тридцать минут... Кок тревожно поглядывал на пузатого и, ведомый чувством самосохранения, мчался на бак осмотреться – куда едем? Возвращался к своим кастрюлям, видел капитана в той же позиции и спрашивал:

– Каптен, куда плывем, ни с кем не столкнемся?

На что тот неизменно отвечал:

– Навстречу судьбе, брат. Расслабься, от нее не уйдешь.

Расслабляясь на ходу, повар опять бежал на бак. Ханс заканчивал просмотр новостей часам к девяти и, зацепив ящик пива, отправлялся на мостик. Хороший мужик! Я привык, только иногда, засыпая в постели, думал: «Проснусь ли?»

На попутном волнении качало тоже нехило, но качка была плавной, слаломной: мостик со всей мебелью проваливался в водяную яму так стремительно, что задница не успевала и зависала в воздухе, догоняя кресло лишь при взлете на очередной гребень. С пульта, веером разбрасывая кофе, взлетела чашка и, коснувшись груди, грохнулась оземь. Загадал, не глядя: «Вдребезги! А ручечка должна остаться целой!» И не ошибся.

«И-дет бы-чок ка-ча-ется, вз-ды-хает на хо-ду». Нетвердой поступью, цепляясь руками за приборы, я добрался до радиостанции и в поисках нужных частот закрутил колесико настройки. В мутных радиоволнах не слышно было «Радио России», зато Би-Би-Си – пожалуйста! Сейчас там оттягивался Сева Новгородцев, наш человек с простой русской фамилией Левенштейн. Он вообще-то ведет музыкальные передачи, но сегодня с болью в сердце и тоской по Родине жжет соотечественников глаголом... Проехали «поп-звезду». О! А это кто? «Свободная Европа» – рассадник демократии и либеральной мысли. Ужо потешимся! Из

нее, как из могильного склепа, – аж мороз по коже! – доносился сиплый вой Анатолия Стреляного. За душу берет, стервец, своими «письмами издалёка», прям за горло хватает железными клещами, падла! Звучит сказ, как в 80-х в родной деревне его обложили агенты КГБ и допрашивали с пристрастием (не выдал!), а после их визита из сарая пропали топор и четыре мешка картошки. Про 90-е молчит, так как в то время уже трудился на ниве «просвещения» русско-го народа дистанционно. Слушать эти ужасы в темноте мостика, да на ночь глядя, да в шторм – тьфу, прости господи! Выключил шарманку и вернулся в кресло.

Порой, часами вглядываясь в кромешную темноту океана, начинаешь ощущать себя единственным живым существом во Вселенной, а порывы влажного ветра, влетающие в открытые двери, и шум волн лишь усиливают ощущение полной оторванности от мира. В любую погоду, в декорациях легкого ли, спокойного ли моря, звездного тропического неба или отливающих ночной синевой ледяных полей, летишь-летишь, пребывая в мыслях самых фантастических, порой сумасшедших. Тебя здесь нет, только кто-то твоими глазами машинально отслеживает невидимый горизонт, показания приборов, да временами чьи-то руки выправляют курс на автопилоте.

В этом состоянии бывает даже обратная связь. Однажды в таком же «полете» в уши ворвался противный скрип принтера «Инмарсат» – печаталось какое-то сообщение. Ночью идут только экстренные. Я вернулся в реальность, сорвал с бобины кусок бумажной ленты, прочел и больше в эту ночь не «улетал». Текст послания без обратного адреса гласил: «В эту полночь в Дублине умерла Черная Кэрол. Она уже в пути и скоро примет тебя в свои объятия». Это мне?! Что за чертовщина?! В наших сетях никогда не бывает спама! Может быть, это черная метка Дитеру? Накуролесил кобель по молодости, и близок час расплаты.

Часы показывали без четверти три, до Дублина было под тысячу миль, но никуда не денешься, скоро за мной

придут. За шиворотом похолодало, я закрыл на ключ обе наружные двери и настезь распахнул ведущую в жилые помещения – так-то всяко теплее. Да, в тот раз мы с Кэрол где-то разминулись...

В шесть утра на смене вахты разошлись с капитаном без слов. Уже лежа в кровати, я ощутил, что судно развернулось носом на волну. «Вот, собака, все пломбы вышибет!» Грохотало и плохо спалось.